

— Петр Петрович, вы родились незадолго до революции 1917 года и большую часть жизни прожили при советской власти. При ней же произошли и все основные творческие события в вашей жизни, в том числе и пик актерской славы. Не жалко вам эпохи, столь резко ныне критикуемой?

— Жалко, но не самой эпохи, а людей этой эпохи. Они жили как могли, работали, учились, отстояли Отечество в самой кровопролитной войне, перенесли лишения, сэкономили на самом необходимом, чтобы хоть как-то поднять детей, надеялись на лучшее. О жутких злодеяниях против народа тогда мало кто знал, и большинство искренне верило руководству страны. И вот на старости лет им объявляют, что вся их жизнь — трагическая ошибка и чуть ли не сами они в том виноваты. А чтобы исправить эту ошибку, людей опять ввергают в социальный эксперимент и опять, обратите внимание, во имя светлого будущего...

Я не политик и не хочу выступать судьей ни нынешнему, ни прошлому режиму, но меня беспокоит их нигилизм и нетерпимость: большевики отрицали всю дореволюционную жизнь, демократы — всю доперестроечную. Неужели они не понимают, что за отвергаемой историей стоят людские судьбы? Те, кто перечеркивает прошлое, насаждают ненависть к нему, подкладывают динамит под будущее. «Если выстрелишь в прошлое из пистолета, — гласит восточная пословица, — будущее выстрелит в тебя из пушки».

Да, сегодня у нас неизмеримо больше свободы, чем прежде. Но как радоваться этому, когда большинство населения страны впало в крайнюю нищету? Неужто и впрямь судьба у нас такая: все время надо выбирать — или хлеб, или свобода? И при этом какие-то крайности: если свобода, то почти анархия, если капитализм, то непременно дикий, а если уж что-то отрицается, то до полного уничтожения... Не жизнь, а сплошные черно-белые полосы. Россия почти целый век живет «на разрыв», в режиме чрезвычайного напряжения, а это вряд ли пройдет бесследно для многих душ.

Отечественное кино, вы знаете, терпит крах, прокат наводнили зарубежные боевики и посредственные комедии, театры тоже дышат на ладан, издательства убыточны и, чтобы выжить, гонят детективы или пособия по сексу...

— Наши государственные руководители постоянно говорят о желании построить цивилизованное общество. Как они этого достигнут, посадив культуру на голодный паек, мне, например, не совсем понятно. Ведь уровень развития культуры и есть один из показателей цивилизованности общества.

В этой связи приведу один пример. Можно как угодно относиться к С. Бондарчуку, к его политическим и общественным взглядам, но отказать художнику такого уровня в поддержке давнего замысла снять телесериал по «Тихому Дону» вряд ли можно отнести к достижениям нынешней демократии, стремящейся к тому же быть и цивилизованной. Разумеется, когда у мастера с мировым именем возникли затруднения, он сразу же получил несколько предложений из-за рубежа начать такую работу. Но в конце концов дело не в деньгах, а в том, что он вынужден был пригласить иностранных актеров на главные роли: Григория Мелехова играет Руперт Эверетт, Акинину — Д. Форест. Я не видел картины, но все же, как и многие, пока не могу преодолеть в себе предубеждения, что этот дуэт вряд ли сможет превзойти пару Глебов—Быстрицкая...

— Я тоже пока не видел фильма, но мне, как вы понимаете, особенно трудно быть объективным в его оценке. Роман Шолохова — это летопись национальной трагедии. Сегодня мы переживаем ее эпилог. Может ли иностранец, даже если он прекрасный актер, понять боль русского

человека, казака, у которого отняли Родину, разрушили семью, убили отца, брата, любимую женщину, а самого объявили врагом народа, за которого он проливал кровь? В запутанной российской истории и русскому-то не всегда разобраться. Возьмите, к примеру, отношения Михаила Кошевого и Григория Мелехова: друзья-односельчане, враги, родственники, которые по идейным соображениям не могут ужиться под одной крышей... Очень сложная гамма чувств.

Во время съемок мы жили на хуторе Диченском, близ станции Каменской, в местах исконно казачьих. Мы как бы растворились среди местного люда, изучали быт, речь, повадки казаков. Мне, правда, помогал и мой деревенский опыт: мое детство, когда я много ездил верхом, косил, и мой фронтовой опыт носить военную форму — ведь казаки веками воспитывались в традициях военного лагеря. И, конечно, теперь приятно вспоминать, как кто-то из местных жителей говорил: «Нет, не городской ты, Петро, нашеньких кровей, казачьих». Или получить письмо, в которое вложена фотография с такой вот надписью: «Настоящему казаку Петру Глебову от казака Концова, участника Японской, Германской, Гражданской, Отечественной войн. 1880 г. рождения. Спасибо, сынок, что так правильно душу казачью изобразил».

Мы, актеры, вживались в казачий быт, а местные жители снимались в многочисленных массовках, помогая избежать фальшивых постановочных сцен.

Много помогал нам и сам Шолохов. Поэтому фильм по общему признанию оказался наиболее приближенным к роману, его духу, что, на мой взгляд, и предопределило его зрительский успех. Вот и после последнего просмотра по ТВ мне много звонят, подходят на встречах и рассказывают, что наша экранизация не только не устарела, но и воспринимается сегодня довольно актуальной. И действительно, много похожего: время смутное, непредсказуемое, борьба за власть... Помните, размышления Григория о земле, о свободе, избыток которой, по его мнению, может привести к взаимной вражде...

Еще раз повторю: мне трудно быть объективным, но все же не совсем понятен замысел новой экранизации, тем более с участием иностранцев в главных ролях. Может, за рубежом эта лента и будет иметь успех — талантливые, знакомые актеры, знаменитый русский режиссер, казачество, ну и, конечно, роман, за который автор удостоен Нобелевской премии... Но у нас? Сомневаюсь...

— Что ж, не будем гадать, вынесем свои суждения после просмотра. Но обладаем ли мы, что кинематографическим принципом С. Бондарчука и С. Герасимова существенно не расходятся, во всяком случае по результатам. Оба они принадлежат и школе русского реалистического искусства, с которой, если говорить шире, связаны наиболее значительные достижения в отечественной культуре — от Пушкина до Шолохова, от Щепкина до Станиславского. Правда, сегодня к реализму отношение несколько подозрительное, его репутацию существенно скомпрометировал соцреализм — советский модификация классического реализма. Сегодня провозглашенная свобода творчества вылилась, как ни странно, не в поиски новых, оригинальных путей в искусстве, а в ремесленное подражание тому, что на Западе уже, как правило, пройдено и отработано. Может быть, это временная болезнь... Как вы думаете, не исчезнет ли русская школа актерской игры, основанная на эстетических, этических принципах К. С. Станиславского?

— Если бы она исчезла, это свидетельствовало о ее нежизненности и случайности. Но я так не думаю. В студии

Станиславского мы изучали не только саму профессию, но и прежде всего человека, его духовный мир, психологию. Станиславский стремился соединить традиции русской актерской школы с новейшими достижениями науки о человеке. Разве может это направление устареть, а тем более исчезнуть? Другое дело, что такая работа, постепенное оживление в роль требуют порой длительного времени, каких-то личных жертв, нравственных усилий, самоотдачи...

Но разве такое возможно в наше время для актера, разрывающегося между сценой в театре и кинозрительской площадкой, эстрадой и халтурой где-нибудь на радио или ТВ? Но иначе не проживешь. И это не только сегодня, так было и в прошлом, средний актер всегда получал небольшую зарплату. Поэтому позволить себе продолжительную, обстоятельную работу над ролью, как того требовал Станиславский и как мы это делали в его студии, далеко не просто. Но и в этих условиях многие актеры так или иначе используют в своей работе элементы его системы, поскольку он в своих теоретических и практических изысканиях шел от человека, от его природных особенностей, традиций русского театра. Станиславский не принуждал актеров к каким-то противоестественным трюкам, эксцентричности, внешней эффектности. Он учил нас не представлять своих героев, а выражать их внутренний мир.

День. — 1993. — 17-30 янв. — с. 8

Петр ГЛЕБОВ:

«РУССКИЕ ВЕРЯТ...»

Чего нам не хватает в избытке в сегодняшней культурной жизни, так это разнообразия вкусов и пристрастий, направлений и школ, от которых иной раз рябит в глазах и закладывает уши. И все это порой так сбивает с толку, что начинаешь терять ценностные ориентиры и незаметно уступать напору «вселенского» искусства.

Однако наваждение мгновенно улетучивается, как только среди пестрого разнообразия возникает оттертый от нашего внимания истинный шедевр. Все сразу как-то само собой становится на свои места, причем без всякого насилия и принуждения.

Недавно по московскому каналу ТВ еще раз показали блестящую экранизацию одного из лучших романов XX века — «Тихий Дон». Довольно редкий случай удачного соединения высокой литературы и искусства кино, плодотворного сочетания иссякающих традиций русской реалистической словесности и затухающей русской актерской игры. За этой удачей стоят не только имена Шолохова и Герасимова, но и талантливейших актеров. Сегодня у нас в гостях народный артист Советского Союза, лауреат Государственных премий Петр Петрович ГЛЕБОВ, исполнитель главной роли в фильме — Григория Мелехова.

На съемочной площадке у Сергея Аполлинариевича Герасимова я почувствовал близость, родственность его подхода к работе с актером с тем, как работал с нами Станиславский. Оба они доверяли актеру, его внутреннему самочувствию, интуиции, не насаждали своей воли. Герасимов, например, говорил: «Задача режиссера — не мешать актеру хорошо играть». И действительно, актеры у него раскрепощались, играли естественно, достоверно.

Сегодня говорю об искусстве в том понимании, как это виделось моим учите-

лям, становится все труднее и труднее. В искусство вторгается необходимость зарабатывать деньги, все больше и больше ценится умение нравиться публике любыми средствами, вплоть до неприличных, — главное, чтобы платили. Жизнь человеческого духа в искусстве подменяется жизнью человеческой плоти, так как последняя приносит больший коммерческий успех при рыночных отношениях.

К этому я еще добавил бы и чрезмерную политизацию общества, что значительно ослабляет внимание к духовной

жизни, к художественному творчеству.

Возродится ли русское актерское искусство? Очень надеюсь на это. Надежда моя основана прежде всего на том, что наши театр и кино всегда стремились к жизни, к человеку, к объяснению их тайн и извечной борьбе добра и зла, к поиску счастья и гармонии. Такое искусство всегда было ближе русскому человеку.

— Когда-то Сергей Аполлинариевич Герасимов рассказал мне, как совсем случайно он нашел вас, как вопреки мнению ассистентов предложил вам главную роль в «Тихом Доне», ставшую в вашей дальнейшей творческой судьбе непреодолимой. Честно говоря, мне кажется, что тут есть некая драма не только для вас, но и для других актеров, снимавшихся в том же фильме. Я имею в виду Быстрицкую, отчасти и Кириенко, и Хитяеву... Этот фильм как бы задал настолько высокий уровень искусства, подняться до которого второй раз было чрезвычайно трудно. Нет у вас досады на то, что судьба распорядилась так, что в кино она вас сразу вывела на самую вершину, а остальные 35 лет вы как бы спускались с этой горы? Хотя я, как и многие ваши поклонники, понимаю, что вашей вины в том нет...

— Если это судьба, то с ней трудно спорить. Но я должен быть ей и благодарен, что она вывела меня на эту вершину, как вы говорите. Ведь не с каждым подобное случается.

Что касается успеха, выпавшего на мою долю после съемок фильма: для актера чем раньше он пришел, тем лучше. К тому же мне было уже слегка за сорок. А что после не было подобных взлетов, — в этом, может, вы и правы. Знаете, актеры — народ зависимый: их приглашают или не приглашают на роли. Здесь от нас мало что зависит. Поэтому мне тоже жаль, что все дальнейшие предложения в кино, и не только у меня, как вы справедливо заметили, по масштабам заметно уступали той нашей работе.

Возможно, кто-то скажет или уже говорил, что я должен был бы отказываться от ролей, по уровню разработки характера оказывавшихся ниже, чем, скажем, характер Григория Мелехова. Но при таком

подходе я должен был вообще уйти из кино. Актер же всегда живет надеждой, он рад любой роли, даже маленькой, из которой талант может сделать настоящий шедевр. Кстати, Станиславский не случайно говорил, что нет маленьких ролей, есть маленькие актеры.

Поэтому особенно не тужу, что лучшая моя роль пришлось на дебют в кино. На моих встречах со зрителями меня утешает то, что они помнят не только главную мою работу, но и моего Сальери («Моцарт и Сальери»), и майора Лунина («Балтийское небо»), и отца Зубова («Мужики!»), и других моих героев, а это высшее признание в искусстве.

— Почти все ваши киногерои — люди серьезные, подчас суровые, с какими-то трагическими изломами. Но те, кто хоть раз общался с вами вне съемочной площадки, знают, что в жизни вы совсем другой: любите шутки, розыгрыши, пародируете друзей, вас не надо уговаривать спеть под гитару и даже сплясать... И у меня складывается впечатление, что многие режиссеры, попросту эксплуатируя уже готовый, полюболюбившийся зрителю образ драматического героя... Наше давнее знакомство позволяет мне утверждать, что ваш природный талант так до конца и не раскрыт в кино несмотря на обилие — более тридцати! — сыгранных ролей...

— Мой двоюродный племянник — Никита Михалков, потешаясь над моими юмористическими рассказами, байками, говорит, что я всю жизнь не то играл, что я природный комик, что мне нужно было сниматься в комедиях. Я бы не стал отмахиваться от этой мысли. Помнится, в детстве, когда мы с братьями в подмосковном Дарьине разыгрывали самодеятельные спектакли, мне все время доставались комедийные роли. Хорошо ли, плохо ли у меня получалось, не знаю, но все прочили меня в комедийные артисты.

Наверное, в наших театральных затаях было что-то живое, непосредственное, наивное, вероятно, какая-то подкупающая страсть к самовыражению. Видимо, именно это и привлекло к ним внимание Константина Сергеевича Станиславского, отдыхающего неподалеку на даче и частенько прогуливавшегося по поселку. Он неизменно останавливался у нашего импровизированного театра и по ходу давал какие-то советы. Уже потом, много лет спустя, я понял, что его привлекало в нас: правда и наивность, больше всего ценимые им в актерах.

Ну а что касается вашего замечания, что мой характер и характеры моих героев заметно различаются, могу утешить вас: совсем недавно я снялся в первой своей комедии на Киностудии имени Довженко в фильме режиссера Николая Засеева «Бравые ребята». Это забавная история о летчиках пенсионного возраста, призванных на транспортную авиацию. Вместе со мной снимались широко известные комедийные актеры Моргунов, Вицгин, Мишулин. Увидят зрители и мою партнершу по «Тихому Дону» Быстрицкую, а также Хитяева и Соколову. Что получилось — решать зрителям, но мы работали легко, непринужденно и весело, в соответствии с законами жанра.

— Думаю, что новая встреча с вашими героями будет не только приятной, но и веселой. Так мало радости в жизни...

— Будем надеяться. И, пользуясь случаем, хочу пожелать читателям вашей газеты стойкости и крепости духа в наши смутные времена. Русские люди всегда жили надеждой и верой в то, что лихие времена минут и правда рано или поздно одолеет ложь.

Беседу вел П. ТАТАУРОВ

На снимке: кадр из фильма «Тихий Дон»